

Цзян Суйчжоу лишь делал вид, что поглощен чтением, на самом же деле он то и дело украдкой поглядывал на Хо Уцзю.

Он знал: Хо Уцзю из тех людей, кто будет умирать от боли, но не проронит ни звука. Ждать, когда тот сам признается в страданиях, можно целую вечность — и всё равно не дожждаться. Однако Цзян Суйчжоу также понимал, что даже если Хо Уцзю невыносимо больно, сам он бессилен и ничем не может помочь.

И всё же он не мог совладать с собой — желание контролировать состояние генерала было сильнее.

Хо Уцзю сидел, откинувшись на спинку кровати; глаза его были плотно закрыты, он не произносил ни слова, словно погрузившись в глубокую медитацию. Но губы его были совершенно бескровными, лицо осунулось, а меж бровей пролегла резкая, напряженная складка.

Цзян Суйчжоу почувствовал, как в груди неприятно заныло. Он органически не выносил зрелища чужих безмолвных мучений.

Помедлив, он предпринял робкую попытку заговорить:

— Хочешь... почитать какую-нибудь книгу?

Хо Уцзю открыл глаза и посмотрел на него.

Цзян Суйчжоу с самым серьезным видом пояснил:

— Это хоть немного поможет отвлечься.

Он не кривил душой. С самого детства он не любил телевизор или видеоигры — шум его только раздражал. Дома вечно царил хаос, происходила какая-то неразбериха, поэтому он обожал прятаться в кабинете. И хотя там были лишь скучные, серьезные книги для взрослых, он погружался в них с головой, и время пролетало незаметно.

Хо Уцзю некоторое время изучал его взглядом, храня молчание. Он не знал ни о прошлом Цзян Суйчжоу, ни о его привычках. Он знал лишь одно: с самого детства от книг у него начинала болеть голова, и с годами ничего не изменилось. Самым жестоким испытанием для него сейчас было то, что он, лишенный возможности двигаться, был вынужден коротать дни за чтением — точь-в-точь как разбойник, которого насильно заставили читать сутры.

Однако, услышав предложение Цзян Суйчжоу, он почему-то не ощутил привычного раздражения. Более того, когда принц смотрел на него сейчас — с почти отсутствующим выражением лица — он неувовимо напоминал учителя.

Хо Уцзю с малых лет терпеть не мог наставников. Но Цзян Суйчжоу в этой роли выглядел на редкость гармонично. Казалось, он и не должен был быть напыщенным, высокомерным принцем, а должен был стать именно таким ученым мужем, благоухающим ароматом туши.

Если бы он стал учителем... Наверное, он не был бы из тех, кто заносит линейку над учеником, заставляя зубрить тексты. Одному его присутствию, тому, как он тихо сидит и смотрит на тебя, невозможно было бы не подчиниться.

Хо Уцзю на мгновение впал в оцепенение.

Цзян Суйчжоу в недоумении позвал:

— Хо Уцзю?

Хо Уцзю пришел в себя и услышал:

— Хочешь, я велю Мэн Цяньшаню принести тебе книгу?

Хо Уцзю помедлил, чувствуя, что только что впал в какое-то наваждение. От чтения он бы предпочел воздержаться. В обычные дни он подвергал себя этой «духовной пытке» лишь потому, что заняться было абсолютно нечем. Сейчас же его тело так онемело от боли, что даже говорить было трудно — незачем добавлять себе лишних страданий.

— Не нужно, — негромко ответил Хо Уцзю и снова закрыл глаза.

С самого детства он постоянно ходил в синяках и шрамах. Всякий раз, когда боль становилась невыносимой, он читал про себя «Заклятие ясного сердца», которому его научил наставник по боевым искусствам — это неплохо помогало. Он как раз читал его и сейчас; пусть заклиние не приносило физического облегчения, оно помогало очистить разум, успокоить дух и немного укрепить выносливость.

(«Заклятие очищения сердца» звучит как ритмичные строки, призванные успокоить разум воина в бою. Оно часто используется персонажами для концентрации перед ударом и защиты от душевного безумия.)

Однако Цзян Суйчжоу истолковал его состояние иначе. Он решил, что секундное оцепенение Хо Уцзю вызвано острой болью в ногах. И то верно: когда терпишь такую муку, в глазах наверняка всё плывет, и уж точно нет сил сосредотачиваться на строчках.

В душе Цзян Суйчжоу внезапно вспыхнул крайне незрелый порыв.

Он выпалил прежде, чем успел подумать:

— А если... я тебе почитаю?

Едва слова сорвались с губ, он опомнился.

«Что я творю! Неужели я собираюсь рассказывать сказки Богу Войны?!»

Напуганный собственной дерзостью, Цзян Суйчжоу неловко посмотрел на Хо Уцзю, ожидая резкого отказа, который позволил бы ему забрать слова назад.

Но Хо Уцзю снова открыл глаза и молча уставился на него. Он не произнес ни слова.

Цзян Суйчжоу, выдержав паузу под этим взглядом, запинаясь, проговорил:

— Ну... тогда я начну?

В руках у Цзян Суйчжоу были путевые заметки. Он прочел немало древних официальных хроник, но именно такие описания народных обычаев и быта в его будущем чаще всего оказывались утрачены или безбожно перевраны и смешаны с вымыслом. Поэтому после перемещения Цзян Суйчжоу питал к подобному «чтиву» особый интерес. В свободное время он

либо изучал донесения и секретные отчеты подчиненных, либо коротал часы за такими книгами.

Найдя место, на котором остановился в прошлый раз, он начал читать вслух. К счастью, он был учителем по призванию, так что после минутной неловкости сам увлекся содержанием. Его голос звучал ровно и спокойно. Видимо, интонация сильно влияла на тембр: когда он читал, его голос казался удивительно чистым, а атмосфера вокруг наполнялась умиротворением.

Мэн Цяньшань, стоя неподалеку и затаив дыхание, внутренне поражался.

Он думал: «А наш господин мастерски умеет ухаживать! Посмотрите-ка — читать вслух... Кому из обычных людей придет такое в голову? И кто в его статусе готов зайти так далеко? Будь у господина Хо сердце хоть из камня, оно точно растает».

С этими мыслями Мэн Цяньшань украдкой взглянул на «госпожу Хо».

Тот сидел на кровати, не проронив ни слова, с закрытыми глазами. Лицо всё еще было бледным, но брови, кажется, разгладились...

«Я же говорил! — ликовал евнух. — Скоро я снова помогу господину Хо с переездом — обратно в спальню принца!»

Пока Мэн Цяньшань предавался мечтам, Хо Уцзю открыл глаза. Пара густо-черных, пронзительных глаз ледяным взглядом уставилась прямо на него. Затем Мэн Цяньшань увидел, как Хо Уцзю мимолетно взглянул на принца — убедившись, что тот увлечен чтением и не замечает происходящего, генерал снова перевел взор на евнуха. Взгляд стал еще холоднее, брови сурово сошлись, веяло неприкрытой стужей.

Даже такой недогадливый малый, как Мэн Цяньшань, понял намек. Хозяин считал его помехой и велел убираться вон. Мэн Цяньшань проявил благоразумие: беззвучно поклонился и поспешно выскользнул за дверь.

Хо Уцзю проводил его холодным взглядом и, когда тот скрылся, медленно повернулся к Цзян Суйчжоу. Принц был полностью сосредоточен и совершенно не заметил его внимания. Он читал негромко, словно просто беседовал с кем-то — мягко и ясно. В эти мгновения он совсем не походил на себя обычного.

Дыхание Хо Уцзю невольно замедлилось. Он и не ожидал, что простая книжонка в исполнении Цзян Суйчжоу окажется куда эффективнее «Заклятия ясного сердца».

Само содержание было пустяковым — заметки досужего литератора, который путешествовал по округе и записывал увиденное. Но Цзян Суйчжоу, похоже, искренне наслаждался текстом. Он даже не замечал, как оживал его взгляд во время чтения. Уголки его губ были едва заметно приподняты в легкой улыбке.

Хо Уцзю на мгновение замер, любуясь им, затем отвел взгляд и медленно закрыл глаза. Он не любил книги не только потому, что ленился разбирать иероглифы, но и потому, что всё написанное было ему глубоко безразлично. Однако сейчас, с закрытыми глазами, этот чистый голос казался ему течением прозрачной реки, которая омывает земли Башу и Хугуан, описанные литератором, и искрится под лучами бесконечного солнца.

Ему казалось, что принцу это действительно нравится. И в душе Хо Уцзю внезапно вспыхнул необъяснимый порыв. Ему захотелось, чтобы всё то, что так любит Цзян Суйчжоу,

принадлежало только ему. Он чувствовал себя простолюдином, который внезапно прозрел и стал истовым прихожанином. Это рождало желание пасть ниц перед божеством и принести в дар все свои сокровища и богатства — и те, что у него были, и те, которых еще предстояло достичь.

Цзян Суйчжоу оставался во флигеле до самого заката. Он вполне естественно разделил ужин с Хо Уцзю и только после этого поднялся, собираясь уходить.

Видя, что они провели время в добром согласии, Мэн Цяньшань услужливо подскочил и с улыбкой спросил:

— Ваше Высочество, завтра вы тоже придете?

Цзян Суйчжоу замялся и невольно взглянул на Хо Уцзю.

На самом деле ему хотелось прийти. В эти дни он официально «болел» и был освобожден от службы, так что времени было в избытке. Хо Уцзю только начал лечение, и, судя по словам лекаря, такая боль продлится еще месяц. Цзян Суйчжоу было беспокойно на душе. Должно быть, из-за прежнего страха за свою жизнь у него выработалась привычка ставить нужды Хо Уцзю превыше всего, и избавиться от нее в одночасье не получалось.

Хо Уцзю поднял глаза и встретился с ним взглядом.

— Не нужно спрашивать моего мнения, — чуть помедлив, неловко и сухо пробормотал он.

Мэн Цяньшань просиял.

Не дожидаясь ответа принца, он радостно воскликнул:

— Ой! Тогда я велю слугам всё подготовить! Перенесем книги и бумаги Вашего Высочества прямо сюда, к господину Хо!

Цзян Суйчжоу покосился на него.

Мэн Цяньшань затараторил:

— И то верно! Я еще сегодня приметил, что здесь свет лучше, чем в кабинете Вашего Высочества. Солнечные ванны вам только на пользу!

Такая ретивость слуги избавила Цзян Суйчжоу от лишних слов. Он не стал возражать, принимая это как само собой разумеющееся, коротко кивнул и ушел.

В тот же вечер в покои Цзян Суйчжоу доставили письмо. Оно было от Сюй Ду. Его соглядатаи, приставленные к кварталу Чанлэ, сообщили: чиновники Министерства наказаний вычислили местоположение и в ближайшие пару дней собираются нагрянуть с обыском в ту усадьбу.

Еще на стадии планирования они знали: с тех пор как Чэнь Ти пригласил Хо Уцзю на праздник любования цветами и тем самым выслужился перед императором, он получил прибыльное назначение и сейчас находится в командировке в Сучжоу. В усадьбе осталась лишь его любовница — бывшая куртизанка из веселого квартала. Похоже, на днях ее притащат пред светлые очи императора.

Дочитав письмо, Цзян Суйчжоу задумался, а затем улыбнулся. Согласно историческим хроникам из его памяти, Чэнь Ти хоть и заискивал перед Пан Шао, на деле вел свою игру. Пан Шао был алчен и не гнушался обирать даже собственных ставленников, поэтому о существовании этой усадьбы Чэнь Ти он и не подозревал. А значит, когда Министерство наказаний захлопнет ловушку, и усадьба, и куртизанка в первую же секунду будут приписаны самому Цзян Суйчжоу. Император наверняка захочет копнуть поглубже, и дело раздуется до невероятных масштабов. И вот тогда... останется лишь наблюдать, как они бьют врага его же оружием.

Цзян Суйчжоу предвкушал отличное зрелище, и настроение его заметно улучшилось. Даже спрятав письмо, он продолжал улыбаться.

Мэн Цяньшань, подглядывавший за ним, диву давался. Обычно принц бывал крайне серьезен при работе с документами, а тут — читает тайное донесение и улыбается? Секретные письма обычно сулят хлопоты, что в них смешного?

«Наверное, господин отвлекся и подумал о господине Хо», — решил евнух.

Уходя из спальни, он еще раз взглянул на Цзян Суйчжоу и сам невольно расплылся в двусмысленной улыбке.

От автора: Цзян Суйчжоу: «Ты чего лыбишься?» Мэн Цяньшань: «Да так, вспомнил кое-что приятное :D»

<http://bllate.org/book/16965/1581828>